

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Статья и публикация И.А. Желваковой*

Лиза – дочь Герцена и Н.А. Тучковой-Огаревой. Ее личность, судьба и трагический конец не остались без внимания выдающихся современников. Одним из первых откликнулся на самоубийство Лизы И.С. Тургенев. Обращаясь к П.В. Анненкову из Парижа 27 декабря 1875 г., он писал: “Имею вам сообщить новость печальную и странную: дочь Герцена и Огаревой – Лиза, дней десять тому назад во Флоренции отравилась хлороформом – после ссоры с матерью и чтобы досадить ей. Это был умный, злой и исковерканный ребенок (17 лет всего!) – да и как ей было быть иной, происходя от такой матери! Она оставила записку, написанную в шутиливом тоне, – нехорошую записку (...) Удивительное дело, как наша молодежь легко расстается с жизнью: не выдержал экзамена – или с кем-нибудь поссорился – или просто скучно стало – ну и пулю в лоб или яду стакан! (...) Я не полагаю, чтобы Огарева долго пережила свою дочь. Какая, однако, трагическая судьба всего этого семейства!”¹

В свою очередь, Достоевский, много размышлявший в ту пору о природе участвовавших в самоубийствах молодых людей, посвятил этому событию специальную главу в “Дневнике писателя” за октябрь 1876 г. Еще 3 июня того же года К.П. Победоносцев писал Достоевскому “об одном странном и неразгаданном самоубийстве”, случившемся в семье Герцена, которое он ошибочно отнес не к Лизе, а к Ольге. Достоевский “постарался как-нибудь разгадать” “странность” этого события, чтоб на чем-нибудь “остановиться и успокоиться”². Выполнить свой замысел в полной мере ему не удалось ни в окончательной редакции “Дневника”, ни в более распространенной, подготовительной³. Достоевский не располагал тогда необходимыми данными. Все они восходили к “смутным газетным известиям”, сообщенным Достоевскому Победоносцевым, и к его передаче рассказа Тургенева о предсмертной записке самоубийцы. Относя вслед за Победоносцевым происшествие к Ольге, а не к Лизе, Достоевский ничего не знал ни о ее отношениях с Ш. Летурно, ни о ее возрасте. Он полагал, что самоубийце было не семнадцать лет, а двадцать три или двадцать четыре года. Эти неверные сведения не соответствовали психологической ситуации происшедшей катастрофы и не давали нужных критериев подхода к их анализу. Все же великий психолог Достоевский, искавший корни трагедии в самом начале человеческой жизни, кое-что разгадал в драме младшей дочери Герцена. «Сознательного сомнения, так называемых вопросов, – считал Достоевский, – вероятнее всего, не было в душе ее; всему она, чему научена была с детства, верила прямо, на слово, и это вернее всего. Значит, просто умерла от “холодного мрака и скуки”, с страданием, так сказать, животным и безотчетным, просто стало душно жить, в роде того, как бы воздуху не достало. Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного...”⁴

Предлагаемый очерк о дочери Герцена и Тучковой-Огаревой отчасти устраняет недостаток сведений о ней в биографических публикациях о Герцене и его семье. Помимо известных источников, в нем использованы и ранее неизвестные, в частности присланные правнуком Герцена ныне покойным Л. Ристом из Франции, а также неопубликованные материалы, хранящиеся в РГАЛИ в фондах Герцена (129), Огарева (359) и в “пражской коллекции” (2197).

Начнем с событий, сопутствовавших рождению Лизы и во многом определивших ее жизнь, характер и судьбу.

4 сентября 1858 г. Герцен извещал сына Александра: “Сегодня в 5 часов, родилась маленькая девочка...” (XXVI, 204). Через два дня он сообщил сыну, что “Елизавета Николаевна ведет себя хорошо...” (там же). Таким образом, даже в самом факте рождения Лизы, объявленной дочерью не Герцена, а Огарева, уже заключалась тайна, которую “по общему соглашению и ввиду русских родных” (XXX, 215) долгое время знали лишь трое.

* Включенные в публикацию французские письма переведены на русский язык ее автором И. А. Желваковой.

Эту тайну строго скрывали от русских друзей и знакомых. Скрывали ее от врагов, готовые использовать любые средства для дискредитации своих политических противников; скрывали от детей, чтобы не осложнять и без того тяжелой атмосферы в доме Герцена; скрывали и от самой Лизы, называвшей Герцена “дядей”, а Огарева “папой Агой”.

Лиза появилась на свет именно в то время, когда семья Герцена фактически распадалась. Искренние намерения Тучковой-Огаревой заменить мать детям своей умершей подруги, обернулись ревностью, ожесточением, враждебностью, даже ненавистью, ею посеянной, и фактическим отторжением детей от отца. Саша, как и подобает взрослому человеку, начал “новое существование” – уехал в Швейцарию учиться. “Это целая революция в моей жизни”, – писал Герцен незадолго до рождения Лизы (XXVI, 199). “Не клеилось” и с Ольгой. Было решено “снова попробовать” М. Мейзенбург в качестве воспитательницы. К чему привело ее влияние, известно – она “отчуждила” от Герцена его дочь Ольгу. “Семья свелась на одну Тату”, – горестно замечал Герцен, вынужденный в конце жизни признать, что “жизнь частная – погублена” (XXX, 34). Будущее ужасало его.

Лиза с самого рождения оказалась в “плenu” у матери. Отныне почти вся их совместная жизнь с Герценом обратилась в постоянную “войну” за Лизу и вокруг Лизы. Редкие перемирия не в силах были сгладить той накаленной страхом и ревностью атмосферы, в которой подрастала их дочь, страстно любимая обоими. Горькие признания Герцена о “страшной”, “раздирающей” судьбе объясняются, в частности, особенностями характера и воззрений Натальи Алексеевны, психическим состоянием, в котором она пребывала с самого рождения дочери. Наталья Алексеевна, несмотря на желание проникнуться общественными интересами Герцена и Огарева, вся была “обращена на личное” (XXVII, 248) и требовала от отца Лизы невозможного – целиком сосредоточиться на ее семье, отречься от собственных детей. Она всегда хотела большего, чем Герцен мог дать. В 1866 г., после очередного разрыва, она ревниво писала ему: “Чего я хотела? Чтобы ты с нами был так же, как с ними, – ты не мог или не хотел...”⁵. Трагический конфликт взаимного непонимания усугублялся с годами все возрастающей мнительностью и постоянным самоуничтожением Тучковой-Огаревой, ее верой в свою мученическую роль: “Мне на роду написано причинять горе тем, кого я люблю”, – писала она⁶. Даже великодушный, всепрощающий Огарев не мог не сказать своей бывшей жене: “Бедная, томящаяся страдалница – сколько ненужных мучений ты приносишь себе и всему окружающему...”⁷. Герцен говорил с Тучковой жестче, считая, что она любит быть несчастной и недостаточно любит, чтоб другие были счастливы.

Лиза подрастала, и Герцен все больше привязывался к этому необыкновенному ребенку. “Ясное дитя”, – говорил о Лизе Огарев⁸. Письма Герцена 1859–1860 гг. полны тревогой и заботой о своей дочери.

Из-за вечных угроз Натальи Алексеевны вернуться на родину с ребенком в письма Герцена закрадывается страх, что его разлучат с Лизой. При каждом расставании, даже недолгом, у него все тот же вопрос – заметила ли девочка его отсутствие. “Что Лиза – поминает ли она дядю?” (XXVII, 63).

С 1864 г. в письмах Тучковой-Огаревой, адресованных Герцену, появляются маленькие записки и приписки Лизы к “дяде”. Девочка не называет отцом того, чьи заботы, печаль и счастье – его дочь Лиза.

В июле 1859 г. Наталья Алексеевна с восьмимесячной Лизой впервые уехала из дома Герцена. За ними в Вентнор последовал Огарев, тщетно пытавшийся смягчить непонимание, возникшее между Герценом и Натальей Алексеевной. В мае 1860 г. Тучкова-Огарева уже рассматривала свой отъезд в Германию как окончательный разрыв с Герценом. Но Герцен не представлял себе жизни без дочери и шел на любые компромиссы, лишь бы не потерять Лизу. В конце декабря того же года Наталья Алексеевна вернулась, но узел противоречий затягивался все туже. В сентябре 1861 г. Герцен писал Огареву: “Я иногда смотрю на Лизу – и задыхаюсь от горя. Даже досадно, что она так мила. Опять были уж сборы в Россию” (XXVII, 177).

Рождению близнецов Алексея и Елены 23 ноября 1861 г. не смягчило Наталью Алексеевну, их смерть от дифтерита (в декабре 1864 г.) окончательно сломила ее. В доме поселился мрак; угрюмо-траурный тон стал основным в жизни Лизы. Ожесточение и комплекс вины, беспредельная мнительность, вечные претензии и упреки все чаще проявлялись у Натальи Алексеевны – близким приходила даже в голову мысль о ее психической болезни. Она поддерживала себя в безвыходном отчаянии, как считал Герцен, а Огарев заклинал ее опомниться, – не отравлять жизни детей и Лизы⁹.

Лиза росла, постоянно слыша от матери мрачные сентенции о смерти, самоубийстве, горе. “Бедная (...), – писала сама Наталья Алексеевна Герцену о дочери 6 января 1866 г., – ее детство многого лишено, она растет, цветет, как цветок на кладбище” (см. выше в наст. книге). Та же мысль варьировалась и в ее письмах к Огареву.

Герцен считал, что Наталья Алексеевна не воспитывает, а занимается “душевредительством ребенка” (XXIX, 181). Надо спасти Лизу во что бы то ни стало, в ней “сила огромная”, утверждал он, считая необходимым все подчинить ее воспитанию и образованию. Это, по мнению Герцена и Огарева, была “единственно важная вещь”. Герцен словно предчувствовал, что Лиза “не вынесет той атмосферы плача и отчаяния, в которой она живет” (XXVIII, 20). Несмотря на заверения Натальи Алексеевны, что “Лиза учится хорошо довольно с нею”¹⁰, ей менее всего подходила роль воспитателя и наставника. Да и чему она могла научить Лизу? Нерегулярные занятия, беспорядочное чтение, случайные учителя да к тому же постоянные разъезды... Лиза все больше отрывалась матерью от Герцена, который должен был довольствоваться записочками от дочери с обращением “дорогому дяде”.

Семейная тайна была постоянной пыткой и для Герцена, и для Натальи Алексеевны. Он страдал от невозможности легализовать эти отношения. Она же, страстно желавшая этого, страдала от “нерешительности” Герцена. Надо пожертвовать многим, считал Герцен, чтобы “разрушенным домом не задавило детей” (XXVII, 432). Он все еще надеялся собрать семью под единым кровом. “Надо свыкнуться с безвыходным положением, — утверждала Тучкова-Огарева в письме от 15 октября 1865 г., — когда нет крепкого, ничем не сокрушимого союза между отцом и матерью, у ребенка нет семьи. Верю, что тебе тяжела разлука с Лизой (...) Оставим все *непоправимое*, будем заботиться о будущем Лизы...”¹¹ Однако ее слова расходились с делом, с поступками. Между тем, девочка быстро развивалась. “Лиза умнеет, — сообщала Наталья Алексеевна Тате о пятилетней дочери, — но она, как ты, с виду светла и открыта, а глубока и скрытна” (XXVII, 425). В четыре года у нее уже “политические интересы”. Лиза, как бы бессознательно пропитывалась атмосферой, окружавшей ее отца. Тучкова-Огарева свидетельствовала: «Не имея русской азбуки, я сделала ей азбуку на картонных четырехугольниках, чтоб она могла сама составлять слова (...) Ну что сложить, Лиза? — спросила я. “Земля и воля”, — отвечала она, ничуть не позируя»¹². Известен разговор Герцена с Лизой, мечтавшей о поездке в Россию и ее рассуждения о царе:

“Я говорю: да ты лучше подари Алекс(андру) Ник(олаевичу)”¹³ что-нибудь.

— О нет, я его напою пьяным — и, когда он будет лежать, выстрелю в него” (XXVII, 439).

С детства Лиза была приобщена к истории (восьмилетняя девочка видела Гарибальди, разговаривала с Гюго, который восхищался ею, русский революционер В.И. Бакст давал ей уроки и т.д.). Герцен стремился привить Лизе свои политические симпатии, воспитать на героических образах. В 1865 г., послав девочке открытку с изображением памятника Вильгельму Теллю, Герцен писал: “Его надобно любить, как Гарибальди” (XXVIII, 91). Домашние и друзья с удовольствием повторяли высказанное Лизой намерение посылать статейки в “Колокол”¹⁴.

“Она изумительный ребенок, — Герцен не сдержал своего восхищения Лизой в письме к М. Мейзенбуг от 28 февраля 1866 г., — ее способности исправляют беспорядочное и лихорадочное воспитание, у нее столь сильный интеллект и она все так легко запоминает, что просто поразительно. Если бы здоровое влияние — можно было бы многого достичь” (XXVIII, 160).

Герцен постоянно заботился о воспитании Лизы, стремился привить ей любовь ко всему русскому. Когда-то он много сил потратил на приобщение старших детей к чтению на русском языке. Теперь он во что бы то ни стало стремился сделать Лизу *русской*, возлагая на нее большие надежды. Лиза (как и Тата), по мнению Герцена, несла на себе печать большого морального единства с ним.

В сохранившемся каталоге книг, принадлежавших Лизе¹⁵, — русские сказки и русская грамматика, “Басни” Крылова и “Стихотворения” М.Л. Михайлова. Герцен сам читал дочери русские книги (например, “Детство” Толстого) и не мог себе представить, что Лиза станет “иностранкой”, не знающей ни его сочинений, ни сочинений Огарева. Вот почему им поддерживалась постоянная традиция — дарить детям все книги, сошедшие с вольного станка. Свои “Стихотворения” 1857 г. издания Огарев подарил Лизе, когда ей исполнилось... одиннадцать дней. В Музее Герцена хранится этот уникальный экземпляр с дарственной надписью Огарева: “Лизе от Ага. 15 сентября 1858 года”. Несколько позднее в “библиотеку” Лизы попадают два выпуска “Записок декабристов”, изданные Вольной типографией, и другие русские книги.

“Лиза развивается колоссально...”, “бедный ребенок — хочу и не могу ничего сделать для ее развития” (XXIX, 488, 495), — пишет Герцен в 1868 г. Он видит, как пагубное влияние матери отражается на характере Лизы — она нервна, развязна, строптивая, в ней много фантазий и сумасбродства. Вечная тревога за дочь и боязнь ее потерять делали невыносимой жизнь Герцена в последние годы. “В Россию, хочу в Россию, должна в Россию — здесь ты ничего *не хочешь* устроить, *не можешь*”. Или: “Сейчас, сию минуту — заводите пансион...” — На это сво-

дится все» (XXIX, 300), — писал Герцен о Наталье Алексеевне Огареву. Полный разрыв или официальное житье вместе — вот чего требовала Наталья Алексеевна, и в конце концов Герцен должен был согласиться на второе. 10 ноября 1868 г. он писал Наталье Алексеевне из Женевы: “Natalie, я решительно безусловно согласен на все, что ты желаешь” (XXIX, 487).

В 1869 г. Герцен должен был уступить настояниям Натальи Алексеевны — она приняла его фамилию (которую носила до возвращения в Россию в 1876 г.) и младшим дочерям — Ольге и Лизе — был раскрыт семейный секрет. О своем решении упорядочить положение своей “гражданской жены” и их дочери Лизы Герцен сообщил М.К. Рейхель: “Хотя я никогда с вами об этом не говорил — но, я полагаю, вы знаете, что Лиза — моя дочь (...) Ог(арев) первый знал все — все было откровенно и чисто, и наши отношения скорее теснее сблизились от общего доверия, чем потряслись. Но мне под конец стало тяжело, что вы и пять, шесть близких людей — или не знаете или думаете, что я не доверяю, скрываю. Вот почему я и пишу об этом” (XXX, 215).

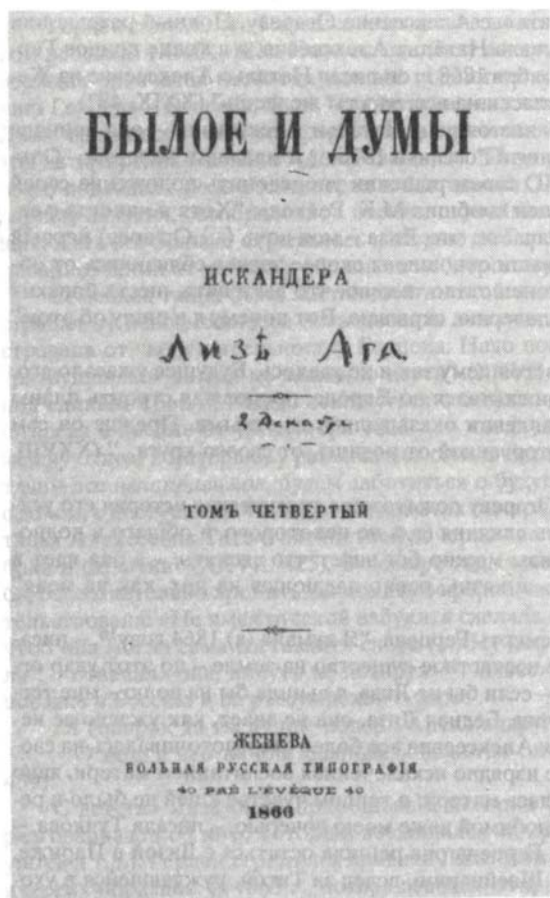
Рассечь трагический узел Герцену по-настоящему так и не удалось. Будущее ужасало его. Стремясь спасти детей “на краю бездны”, он скитался по Европе, продолжая строить планы соединения семьи. Его усилия в этом направлении оказывались тщетными. Прежде он сам как-то признавался: “Такова судьба семьи, оторванной от родины, от своего круга...” (XXVIII, 204).

В одном из последних писем Герцена к Огареву подытожена трагическая история его усилий: “Ни Мейз(енбург) не позволит мне иметь влияния (т.е. не некоторого, а общего и полного) на Ольгу, ни N(atalie) на Лизу (...) Из Лизы можно бог знает что сделать, — а она идет в старую колею. Итак, в детях главная казнь — и казнь, равно падающая на них, как на меня” (XXX, 271).

Наталья Алексеевна тяжело пережила смерть Герцена. “Я думала (в) 1864 году¹⁶, — писала она Т.А. Астраковой, — что я была самое несчастное существо на земле — но этот удар оглушил, отнял понимание о прошлых ударах — если бы не Лиза, я вышла бы на волю — мне тесно и душно в жизни, и нет искупающих причин. Бедная Лиза, она не знает, как ужасно ее несчастье” (см. выше, с. 63–64). Теперь Наталья Алексеевна все более сосредоточивалась на своих отношениях с дочерью. Однако Лиза, уже изрядно искалеченная воспитанием матери, явно не любила ее. Более того, она просто стыдилась матери; о теплом чувстве к ней не было и речи. “Если мне суждено быть непонятой и нелюбимой даже моею дочерью, — писала Тучкова, — чего же ждать от других?”¹⁷ После похорон Герцена она решила остаться с Лизой в Париже, но обстоятельства вынудили их переехать в Швейцарию, вслед за Татой, нуждавшейся в уходе после тяжелой болезни¹⁸.

Последний год своей жизни Лиза жила с Татой. В августе 1874 г. Тучкова-Огарева впервые отпустила их в Италию, с условием, что через месяц они отправятся в Париж. Но сестры прочно обосновались во Флоренции, где в ту пору жил с семьей сын Герцена Саша. Наталья Алексеевна, поверившая в благотворность перемены обстановки для Лизы, отнюдь не приветствовала ее сближения с флорентийским кружком своего пасынка, помня, как печально отзывалось оно на Ольге, отдалив ее от отца. Это сближение казалось Наталье Алексеевне пагубным и для развития Лизы как *русской*. Она никогда не забывала о желании Герцена видеть своих детей русскими, а не иностранцами. В письмах к Тате и Лизе этой поры Наталья Алексеевна настаивала на русском направлении в образовании дочери и давала многочисленные советы о круге чтения и занятий — впрочем, не слишком рассчитывая на успех своих внушений. Публикатор переписки Лизы и Натальи Алексеевны М.О. Гершензон воспроизвел ее избирательно, выбрав лишь письма, важные для истории взаимоотношений матери и дочери. Кроме того, отбор этот был продиктован темой публикации — “Лиза Герцен и Летурно”. При чтении сохранившихся писем Лизы к матери 1874–1875 гг.¹⁹ ощущаешь какую-то принужденность. Лиза пишет как будто только по необходимости, каждое письмо это требуемый матерью отчет — отчет о здоровье, занятиях, знакомых, о жизни в доме Саши, о посещении театров, музеев и галерей и, конечно, о чтении. Почти в каждом письме (скорее всего только на словах) Лиза подчеркивает, что точно следует советам матери, например в выборе книг, предпочтительно русских. 16 сентября Лиза пишет Наталье Алексеевне (по-французски): «Я рылась в книгах Александра и некоторые взяла для себя — маленького Лермонтова в красном переплете, прелестного Полежаева, Некрасова и “Горе от ума”». 8 января 1875 г. она сообщает: «Я прочитала m-me Ханыков^{2*} стихи из “Онегина”: Я вас люблю, чего же боле, она была очень удивлена, что я знаю русские стихи, но, к сожалению, я не злоупотребляю русским; говорят, что бегло говорю я только по-французски»²⁰.

^{2*} В подлиннике фамилия Ханыковой приводится по-русски. — Ред.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ОГАРЕВА ЛИЗЕ ГЕРЦЕН
НА ЧЕТВЕРТОМ ТОМЕ "БЫЛОГО И ДУМ":

"Лизе Ага 2 декабря"

Музей Герцена, Москва

Среди упомянутых ею сочинений также "Нос" Гоголя и "Первая любовь" Тургенева; Лиза читает с Татой и с женой Саши Терезиной "Историю Франции" Ж. Мишле и "Историю революции" Т. Карлейля, С. Милля и Ж. Санд. В одном из писем она недоуменно спрашивает мать, что та имеет против чтения "Исповеди сына века" А. де Мюссе. В выборе книг для чтения Наталья Алексеевна следует Герцену. В его строгой системе русского образования (чтение – не развлечение, а работа мысли) нет места пустым романам, часто привлекающим юного читателя. Предпочтительны книги, влияющие на общественное, нравственное воспитание, оттачивающие вкус, прививающие любовь к большой литературе. Наталья Алексеевна пишет Лизе: "Читать романы скорей вредно в твои годы, располагает к мечтательности, отдаляет от здоровой реальности – серьезное чтение сделается скучным для тебя"²¹.

При чтении писем и сохранившихся литературных опытов Лизы убеждаешься в ее незаурядности, чувствуешь ее твердый, но своевольный характер. Мнения независимы, оценки самостоятельны, замеченный с детства общественный темперамент Лизы еще ярче проявлен в письмах этой поры. Выдающиеся лица, политические события, прошлые исторические эпохи неизменно интересуют ее.

22 ноября 1874 г. Лиза пишет матери: "Я хотела бы иметь письмо, подписанное Гарибальди, где он рассказывает или подтверждает совершенно добровольно, что немцы во Франции творили подлости, что они бросали за решетку даже случайно попавших в ряды вольных стрелков"²² (...). Если подобного рода письмо уже есть у Гарибальди²³ в Ницце, то не сможет ли он одолжить его на некоторое время; что касается меня, то ничто не доставило бы мне большего удовольствия в данный момент, чем иметь, пусть даже на один день, письмо, подписанное им и рассказывающее о подобных фактах"²⁴.

В письме от 18 марта 1875 г. Лиза сообщает матери о политическом событии, заинтересованной участницей которого она стала: "В самом большом театре Флоренции Ле Пальано днем состоялся митинг. В театре, совершенно темном, было более двух тысяч человек. Только сцена была освещена, там находился президент рабочей ассоциации Пичини. Александр²⁵ (...) вышел через кулисы под руку с итальянской девушкой, очень красивой, которую он вел так, как ведут певицу, до самого председательского места (...) Потом была произнесена речь, скорее сентиментальная, затем было высказано много дельных вещей"²⁶.

Несмотря на несистематичность занятий, обрывочность знаний и разбросанность интересов, несомненно незаурядные способности девушки, замеченные еще Герценом, и ее явный литературный дар. Сохранилась небольшая тетрадка с воспоминаниями Лизы о Риме, написанными по-французски в 1875 г.²⁷ Это первые впечатления человека, попавшего в "столицу мира". Лизу интересует все – гигантские руины и величественные памятники возвышения и падения Рима. Мощный каскад водопадов в Тиволи заставляет ее размышлять "о силе человеческих страстей". Лизу потрясают красота и величие "вечного города": "Я пройду по земле, по которой проходили герои древности, я пройду под их триумфальными арками, вся история грандиозного города оживет на глазах (...) в самой истинной, в самой живой форме".

Сохранившиеся литературные опыты Лизы 1873–1875 гг. наивны, подражательны, но они свидетельствуют, тем не менее, о ее начитанности. Таковы рассказ “Sans issue” (“Без выхода”), в котором герои стремятся освободиться от тирании семьи, и повесть “Le bonheur malgré le mariage” (“Счастье, несмотря на брак”)²⁸. Лизу особенно занимали проблемы брака, семьи, идеи свободной любви и мечты об идеальном избраннике. Повесть “Счастье, несмотря на брак” написана под влиянием Пушкина и Тургенева. Главный ее герой – Рудин едет в Акшешно, чтобы получить отцовское наследство. Здесь он встречает своего давнего друга Алексея Сонины и знакомится с его невестой Ольгой. Лиза разворачивает онегинский сюжет, где и письмо влюбленной в Рудина старшей сестры Ольги, мечтательной героини, походящей характером на пушкинскую Татьяну (“Я вам пишу...”), и лихорадка любви страдающей героини, и скукающий на деревенском балу Рудин...

Образ Татьяны в контексте лизинной жизни вовсе не случаен. Пушкинская героиня, “без памяти влюбленная в Онегина”, появляется в ее письме к Ш. Летурно – французскому ученому, в которого она была влюблена: “Но если мне кажется, что я не увижу вас, или я не знаю заранее часа, я не только не могу решительно ничем заниматься, но я грежу наяву, почти как Татьяна в поэме Пушкина...”²⁹ Воспитанная матерью в сравнительно смелых представлениях о браке и любви, Лиза достаточно своевольно распоряжалась собственной судьбой, своими симпатиями и антипатиями. Характерно ее высказывание в одном из писем к матери: “Когда я чего-нибудь сильно хочу, я не люблю, чтобы мне в этом отказывали”³⁰. Лиза разделяла и идеи женской эмансипации, проповедуемые матерью. Так, в письме от 15 сентября Наталья Алексеевна писала дочери: «Я всегда мечтала, что ты будешь воспитана скорей как мальчик; заметь, мужчины гораздо меньше сентиментальны и трагичны; они берут жизнь, как она есть. Если серьезно подумать, то, к сожалению, справедливо, что буржуазное счастье лучше поэтического несчастья через всю жизнь. Теперь открылись новые дороги для женщин: она или может быть специалисткой и жить вне семейной жизни или, имея равное образование с мужчинами, выйти замуж d'égal à l'égal³¹. Это уже выше буржуазного счастья. Это может быть высокопоэтично, этого-то я желаю, мечтаю для тебя...”³¹

В письмах Тучковой и Лизы преобладает настоячивый мотив: “Я бы хотела жить, чтоб видеть, что Лизу любят...” (письмо Натальи Алексеевны к Огареву от 21 декабря 1864 г. – XXVII, 551). “Я хотела бы, чтобы меня любили...”³².

Все возрастающая неприязнь к матери (порой даже больше – ненависть), душевное одиночество, необузданный эгоизм, постоянная мысль о смерти вместе со страстной потребностью жить и любить готовили для впечатлительной, своенравной, изломанной девушки трагическую развязку. Не знающие преград чувства были обращены на уже немолодого сорокачетырехлетнего, женатого человека. Парадоксально, что Ш. Летурно, известный ученый, психолог, автор работ “Физиология страстей”, “Эволюция брака и семьи” и др., не принял достаточно серьезно увлечение шестнадцатилетней девушки и взял на себя роль ее духовного наставника. Это поставило его перед трагической альтернативой, навязанной ему Лизой, – или его любовь или ее смерть. Неразрешимость подобной ситуации и привела к фатальному концу.

Еще В.П. Полонский в своем предисловии к публикации переписки Лизы и Летурно отмечал “трагический гиперболизм”³³ совсем еще юной девушки, который проявился в ее талантливых, и страстных письмах к своему избраннику. Из этой переписки до сих пор в печати появилось только восемь писем Лизы к ее корреспонденту³⁴.

Ниже впервые публикуется в переводе с французского два неизвестных письма Летурно к Лизе (ранее было опубликовано семнадцать) и одно ее письмо к Летурно.

Впервые имя Летурно появляется в письме Лизы к матери от 8 ноября 1874 г.³⁵ Несмотря на настояния Натальи Алексеевны приехать к ней в Париж, где, по-видимому, ее ждет “умственная, деятельная и даже веселая жизнь”³⁶, Лиза предпочитает оставаться во Флоренции и среди прочих доводов в пользу своего решения приводит следующее: “Сабатье, Летурно, Ханьковы, Серрати и другие мне очень нравятся, они образуют интеллигентный и приятный кружок, в то время как я не знаю, что меня ждет в Париже; потом дети³⁷ милы, – жалко их покидать; наконец, я достаточно люблю Александра, в то время как Моно мне более чем безразличен; об Ольге я не знаю ничего”³⁸. В действительности желание Лизы остаться в Италии, главным образом, вызвано было ее знакомством с Летурно, состоявшимся, очевидно, в конце октября – начале ноября 1874 г.

Письмо от 3 декабря того же года предшествует всем до сих пор появившимся в печати письмам Летурно к дочери Герцена, – оно свидетельствует, как и прочие его послания, ранее опубликованные, о большом участии, принятом им в воспитании и образовании Лизы, а также о расположении к ней:

³¹ * на равных (франц.).

«(Флоренция.) 3 декабря 1874 г.

Мадемуазель, поскольку вы непременно желали, чтоб я был в некотором роде вашим духовным наставником, посылаю вам первый список из шестнадцати сочинений, которые, думаю, было бы полезно прочитать в указанном порядке. Как только я составил свой каталог, мне в голову пришла очень простая мысль: пока вы будете читать шестнадцать указанных сочинений, у меня, верно, найдется время поразмыслить над новым списком и основательно оформить его.

Сочинения, названия которых я вам посылаю, образуют своего рода энциклопедию, и, когда вы их прочтете, хорошенько усвоите, вы будете, конечно, гораздо более ученой, чем девять десятых ваших современников любого пола, не исключая подписавшегося под этим письмом, который, вопреки высоким обязанностям, на него возложенным, остается, тем не менее, вашим весьма смиренным и, разумеется, покорным слугой.

Я сейчас обнаружил ваше милое письмо, по возвращении из недолгого путешествия, которое я должен был совершить в Ливорно. Не могу ответить вам сегодня, но завтра, думаю, у меня выдастся время написать вам маленькую присягу на верность. Как все старые люди, мы имеем постоянную привычку морализировать по поводу всего на свете, что впрочем, приносит слишком мало пользы и нам самим и всем прочим. До свидания. Письмо будет послано м-ль Л.Г., будут указаны только инициалы^{4*}.

Второе письмо послано Летурно 7 июня 1875 г. из Флоренции в Рим, куда в конце апреля Лиза отправилась вместе с Татой и Мейзенбуг. В письме упоминаются жена Летурно Люси и их дети; Нерина Финокетти, знакомая Тучковой и Лизы (именно к ней обращено письмо Натальи Алексеевны после гибели дочери)³⁹; Никитина, знакомая семьи Летурно; неизвестный нам флорентийский знакомый Лизы (капитан), а также А.А. Герцен, заведший в это время предприятие по консервированию мяса:

«Флоренция. 7 июня 1875 г.

Я вам не ответил еще по нескольким причинам, ибо наш брат-мужчина – человек особенный, никогда не руководствуется только одним доводом.

Начнем с того, что ваше первое письмо было адресовано не мне, и, если уж быть справедливым, то муж не обязан отвечать на письма, обращенные к его жене. Потом, мы еще все время готовились к отъезду, который так и не состоялся. Нам было очень тяжело прервать соединяющую нас нить. Девочки были больны; они и до сих пор еще болеют, потом у г-жи Никитиной была легкая пневмония, и, начав ее лечить, я не мог и не могу еще сейчас внезапно ее бросить.

Наконец, и это гораздо серьезнее – волнующие предупреждения заставили меня послать новый письменный запрос, результатов которого я все еще жду. Здесь речь вовсе не о задержке – сама поездка под угрозой, по крайней мере, для меня. Впрочем, это должно решиться через несколько дней, и я вам сообщу окончательный результат.

Наконец, я вам не написал еще по другой причине, а она-то самая серьезная – страшная апатия, которой я подвержен, приняла в последние дни особенно большие размеры. Мои буддистские убеждения подкрепляются приятным образом. Как раз вчера, когда я получил ваше последнее письмо, я был погружен в глубокое раздумье о Нирване, и вы меня не вывели из этого состояния, а как раз наоборот. Нет ничего более печального чем голова сорокалетнего мужчины: она седа так же снаружи, как и внутри. Но эти вещи такой вулканчик, как вы, представить себе не можете, да к тому же они совершенно неинтересны.

Среди всех подробностей, которые вы мне сообщаете о вашем новом существовании, я не вижу ни слова о ваших новых занятиях, я хочу сказать – о ваших серьез-

^{4*} Далее перечисляется шестнадцать сочинений по естествознанию, а также физико-математических и исторических разных западноевропейских авторов – в том числе Гумбольдта, Дарвина, Бокля и пр. – *Ред.*

ных занятиях. Чем вы заменили легкое чтение, математикой Мерло и скромной книгой по физике вашего слуги?

Нужно работать и работать с *новым* рвением, ибо прежнее немного поубавилось. Совершенно очевидно, что, имея честь носить такое имя, как ваше⁴⁰, не следует проводить свою жизнь в праздности, подобно пансионерке из “птичьего монастыря”.

Наш маленький флорентийский кружок распался после вашего отъезда. Кто уезжает, кто готовится к отъезду. “Мажента”⁴¹ вошла недавно в порт Вальпарайсо. Капитан яростно старается ее оттуда вывести. Он надеется, что через месяц она, наконец, бросит якорь в Неаполитанском заливе. Если все устроится таким образом, он отправится на географический конгресс в Париж и, конечно, воспользуется этой поездкой для ученых бесед по этнологии с м-ль Татой. Человекоубийства, которые она беспрестанно совершает (я имею в виду не этнологию)⁴², вызывают к мести. Я надеюсь, что однажды какой-нибудь *осторожный* и *хладнокровный* человек возьмется ее наказать, как она того и заслуживает. Нерина с возмущенным видом и перекошенным лицом утверждает, что ей гораздо лучше. Позавчера она пришла просить меня сказать ей много неприятных вещей о жестоком предмете – причине ее мучений. Именно это и есть те самые вещи, которые моя природная доброта не позволяет делать, но несколько добрых советов я ей дал. Ваш брат чувствует себя лучше. На днях он упомянул в разговоре со мной о консервированном мясе только три раза за два часа⁴³. Все изнашивается, все проходит, все улаживается скорее к лучшему, чем к худшему. Я вас покидаю на этом философском размышлении, о своем отъезде извещу вас, если он состоится.

Преданная дружба. Естественно, я его⁴⁴ тоже обнимаю. Между двумя столь холодными существами, как мы, это не вызывает взаимных чувств».

Неизвестное ранее письмо Лизы датировано 3 октября 1875 г. Его начало – страстное и нетерпеливое – еще раз подтверждает несомненный литературный дар дочери Герцена. Написанное в период интенсивнейшей переписки с Летурно (сохранилось шесть писем, посланных им Лизе в сентябре, и четыре – в октябре 1875 г.), это последнее из девяти известных нам писем Лизы к тому же адресату. По-видимому, письмо не было отправлено, ибо подлинник сохранился среди семейных бумаг Л. Риста, внука О.А. Герцен (моно).

Летурно долго не был во Флоренции, в августе он находился в Париже, затем в Гранвиле, Сен-Бриё, Оре. В начале октября он в Руане, оттуда переезжает в Париж (где в ту пору жила Тата, расставшаяся с Лизой и ее матерью, которые, отправились на Юг – в Ниццу и Сан-Ремо. Осенью они вновь во Флоренции). Упоминаемые в письме лица: *Джилиоли* – знакомая Лизы и супругов Летурно; Нерина – *Финокетти*. Приводим текст письма в переводе с французского. На бумаге штемпель с девизом “Всегда и повсюду”:

«(Флоренция.) 3 октября 75 г.

Как! ни одной строки! где вы? что вы? подайте признак жизни, ваш бедный юный друг в отчаянии от вашего молчания, ни одного ласкового слова!! Если бы вы знали, как я страдаю от сознания, что вы в том же городе, что и Тата, вы не знаете, как я ревную, – это сущая мука. Но хватит об этом, я уже представляю себе вашу презрительную гримасу. Как видите, неудивительно, что я говорю одно и то же, чувствую одно и то же, потому что вопреки прекрасной игре слов Александра – постоянно в своем непостоянстве.

Моя любовь к вам не уменьшилась ни на волосок. В конце концов, баста! – как говорит Нерина. Кстати, о сей последней, я никогда до конца не могла понять, что произошло у них с Татой, но это серьезнее, чем я думала. Уверяю вас, что их письма – трагикомический шедевр, его безнадежность подчас так забавна! (Возможно – подобное вы уже читали.) Она должна приехать повидаться со мной, и к тому же, поскольку наши письма встретились, случилась только одна неожиданность: она теперь в Пастуро, откуда мне пишет (дословно): “Если вас подстерегают какие-либо опасности и т.д., то я приеду сегодня же, даже если мне придется путешествовать в третьем классе”. Это забавно, забавно, забавно, не так ли? Интереснее моя переписка с сестрой Джилиоли, я люблю ее еще больше; судя по письмам, она, действитель-

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Фотография Ф. Шардонне. Ницца, (1875)

На обороте дарственная надпись Лизы Герцен Мальвиде
Мейзенбург: "Pour la s^{re}re m-lle Malvida"
("Дорогой м-ль Мальвиде")

Музей Герцена, Москва

но, очень мила, очень забавна (когда этого хочет, но не как Нерина) и очень счастлива, это истинное утешение.

Я познакомилась со многими лицами, старалась изучить на них психологию, и я вас уверяю, что мои занятия были крайне неблагоприятны для рода человеческого. Я знаю только двух людей, которые мне очень симпатичны здесь (но все же не совсем), в настоящее время оба в Сан-Ремо. Мужчина и женщина. Первый – по фамилии Сангинетти; если память мне не изменяет, это имя выгравировано на медной табличке, ниже вас этажом, на вилле Монтебелло; это первая, если не сказать главная, причина моей симпатии. Этот корсиканец был моим соседом по табльдоту и очень меня забавлял. Моя вторая симпатия – больше первой, это родственница г-жи Гиравальди, о которой я вам уже говорила. Мама не любит ее и дуется на меня, потому что я ничего не имею против нее. Действительно, у этой бедной Макс муж грубиян и..., который, как говорят, ей изменяет, но мне об этом она никогда не говорила, я не имею верных доказательств, и к тому же это не мое дело... Мама говорит, что это дока-

зывает мою испорченную натуру, и вот что я хотела бы от вас услышать – чтобы вы мне сказали, кто прав, кто виноват. Бедная Макс, я ее жалею: 1-е – она умирает от скуки, 2-е – она кокетка, 3-е – и вот худшее из всего: она знакома с некоторыми добродетельными женщинами. Но почему же ей быть такой, ведь они получили компенсацию за свою вынужденную скромность – право судить и выносить приговор тем, кто, если можно так выразиться, и без того немисливо несчастен. Так как ее очернили в моих глазах, я взяла ее сторону: "Я никогда не обманывала, это мне отвратительно, но, во-первых, ничего не доказано, и мне кажется, что надо быть полностью уверенной в ее поступке, чтобы говорить о нем с такой резкостью. Все вы, женщины, жестоки! В каждом ее поступке вы видите только плохое. Мне немного известны эти разговоры, но я в них не участвую, предупреждаю вас об этом. Я говорю это от себя, но если она кого-то страстно любит, то, в конце концов, она в этом совершенно не раскаивается. Наконец, мораль всего этого такова: мама считает, что у меня порочные чувства, поскольку женщина, которая, по слухам, изменяет своему мужу, не внушает мне никакого отвращения". Сразу скажите мне ваше мнение; впрочем, я забываю, что вы редко отвечаете на вопросы.

В Риме ли вы или в Ницце? Увижу ли я вас скоро?

Ваша до гробовой доски.

Л. Герцен⁴⁵

Увлечение Лизы беспокоило всех близких, но удержать ее от переписки и встреч с Летурно, от посещения его семьи никто не мог. Тата считала Летурно и, вероятно, не без оснований, фальшивым и нравственно нечистым человеком. Наталья Алексеевна искала выхода, совето-

валась с друзьями. Но все было тщетно. Лиза, как когда-то пожаловалась Тучкова-Огарева, уже исключила мать из своей жизни. К зиме Летурно возвратился во Флоренцию, и Лиза снова стала видиться с ним.

Восстанавливая события тех дней, Наталья Алексеевна писала Нерине Финокетти: «По приезду во Флоренцию я сильно захворала. Она тотчас сказала мне: “Теперь я без предупреждения пойду к Летурно; это будет очень забавно”. Я попробовала сказать, что лучше было бы позвать его к нам, но она настаивала (...) Я принуждена была уступить и дала ей записочку к Летурно, прося тотчас передать ее ему. Она вернулась очень взволнованная и сказала, что Летурно советует не оставаться во Флоренции или, по крайней мере, уехать через несколько дней, что необходимо как можно скорее повидать Александра и спросить его мнение. Она взяла извозчика и поехала на виллу. Летурно пришел ко мне и, казалось, был обеспокоен ее отсутствием, боясь, чтобы у нее не вышло неприятного разговора с братом (...) Пришел Александр, мы разговаривали втроем. Он, казалось, был доволен нашим приездом и предложил провести две недели у него на вилле, чтоб осмотреться. Если бы мы тотчас уехали в Форли, а оттуда – в Рим, все было бы спасено, – но я слепо шла к гибели»⁴⁶.

21 декабря 1875 г. на флорентийской вилле А.А. Герцена Лиза написала свое предсмертное письмо к родным.

Вот текст ее письма (в переводе с французского и с небольшими уточнениями по копии, сделанной А.А. Герценом и хранившейся в архиве Л. Риста – Версаль):

“Как видите, дорогие друзья, я попыталась совершить переезд раньше, чем следовало бы. Может быть, мне не удастся совершить его – тогда тем лучше, мы будем пить шампанское по случаю моего воскресения, я не буду жалеть об этом, – напротив. Я пишу эти строки, чтобы просить прощения за неприятности и хлопоты, которые я причиняю вам; кроме того, я хочу просить вас: постарайтесь, чтобы те же лица, которые провожали нас на вокзал при нашем отъезде в Париж, присутствовали на моем погребении, если оно состоится, или на банкете по случаю моего воскресения (исключая Шиффов).

2-е. Если меня будут хоронить, пусть сначала хорошенько удостоверятся, что я мертва, потому что если я проснусь в гробу, это будет очень неприятно.

3-е. Прошу, чтобы те мои вещи, которые пригодны к употреблению, употреблялись. Я нахожу глупым хранить или выбрасывать вещи, которые годятся.

4-е. Я не имею голоса в семейном совете, но все же хочу высказать мое мнение о денежных делах. Ольга и Тата ни в чем не нуждаются; поэтому мне кажется, что мама должна устроить себе пожизненную пенсию (не такую скудную, какая у нее была в Париже), а Алекс(андру) досталась бы часть дохода вместе с капиталом. Впрочем, это меня не касается.

Addio, привет и братство.

Л.Г.”⁴⁷

Н.А. Тучкова-Огарева писала А.А. Герцену в письме, до сих пор не появлявшемся в печати, в ответ на соболезнования – его и жены Терезины:

“Саша,

Я любила вас и скрывала это и думала, что вы меня ненавидите, все видела в дурном свете – теперь исполнилось последнее наказание, ты подал руку и Терезина как самые близкие – простите меня, в эти дни ужаса я поняла слишком поздно ваше сердце. Ваши слова могли бы залечить много ран, но я преступна в ее кончине, дайте преступнику найти покой – время – время. Прощайте, обнимаю тебя и Терезину, пока буду помнить, буду знать, чем вы были для меня в эти страшные дни^{5*}.

Я одна повинна в смерти моей дочери, у меня была склянка с хлороформом, она об этом не знала. Когда переезжали, склянку принесли в ее комнату. Я напрасно ее искала. Она взяла ее, сказав мне, что отдаст брату; вышла, вернулась, уверив меня, что бросила ее в клозет – она рассказала (все) так подробно, что я ей поверила. Через 2 недели она воспользовалась моим отсутствием – заперлась и использовала хло-

^{5*} Далее по-французски (перевод автора публикации). – Ред.

роформ, чтобы лишить себя жизни; я одна виновата, и если бы меня покарали смертью, я нашла бы ее справедливой и благодарила моих судей.

Натали Герцен

Если я не попаду на похороны, то попрошу, чтобы нам обоим перерезали сонные артерии, прежде чем положить нас в гроб⁴⁸.

28 декабря 1875 г. А.А. Герцен писал о своей мачехе Н.Н. Сатину, прося сопроводить ее в Россию: «Со времени смерти Лизы она находится в таком отчаянии и изнеможении, что жалко смотреть. Несколько раз она пыталась покончить с собой, чтобы стать, по ее выражению, *“как ее дочь”*. Мы помешали ей исполнить это намерение, прежде всего, физически, наблюдая за нею ночью и днем, а потом и морально, доказывая ей, что у нее осталось еще два долга: сопровождать свою дочь для погребения в Ниццу, а затем вернуться в Россию к ее старым родителям, которые будут счастливы иметь ее возле себя (...) Она уступила этим доводам и ухватилась за эти две идеи. Первая осуществлена – Лиза похоронена в той же могиле, где папа. Теперь Натали ждет лишь своего возвращения в Россию»⁴⁹.

В тот же день Саша отправил Наталье Алексеевне два чемодана с Лизиними вещами и шкатулку с ее письмами, оставив у себя на время письма Летурно и письма Таты к Лизе, в которых надеялся найти объяснение трагедии и оправдание Летурно. “С его письмами в руках я могу его защищать и спасти, насколько моя совесть допускает”, – объяснил он⁵⁰.

В Россию Тучкова-Огарева вернулась в августе 1876 г. Она везла с собой многие принадлежащие ей бумаги из семейного архива Герцена-Огарева, в том числе Лизину переписку, появившуюся в печати полвека спустя, усилиями М.О. Гершензона⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.С. Тургенев. Письма, XI, 177–178.

² Ф.М. Достоевский. Дневник писателя за 1876 год. – Полное собр. соч. в 30 т. Т. XXIII. Л., 1981, с. 145–146 и 324–326.

³ “Лит. наследство”, т. 86, с. 85–86.

⁴ Ф.М. Достоевский. Цит. изд., с. 145–146 и “Лит. наследство”, т. 86, с. 85–86.

⁵ АО, 37.

⁶ Там же, с. 222.

⁷ “Лит. наследство”, т. 63, с. 510.

⁸ АО, 100.

⁹ См.: “Лит. наследство”, т. 63, с. 510.

¹⁰ АО, 41.

¹¹ Там же, 31–32.

¹² Там же, 256.

¹³ Имеется в виду Александр II.

¹⁴ АО, 35.

¹⁵ РГАЛИ, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 141.

¹⁶ Подразумевается смерть близнецов Елены и Алексея.

¹⁷ АО, 256.

¹⁸ См. выше в наст. кн. “Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой”.

¹⁹ РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 231.

²⁰ Там же, л. 21 об. и 73.

²¹ РГАЛИ, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 166, л. 12.

²² Речь идет о Франко-прусской войне 1870–1871 гг.

²³ Двоюродный брат Дж. Гарibaldi.

²⁴ РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 166, л. 59–59 об.

²⁵ Александр – сын Герцена.

²⁶ РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 166, л. 149–150.

²⁷ Там же, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 146.

²⁸ Там же, ед. хр. 142–143.

²⁹ АО, 154.

³⁰ Там же, 167.

³¹ РГАЛИ, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 166, л. 9 об. – 10.

³² АО, 222–223. Слова, сказанные Лизой Терезине.

³³ Там же, 7.

³⁴ АО, 148–181.

³⁵ РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 231.

³⁶ АО, 136.

³⁷ Дети А.А. Герцена.

³⁸ РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 231.

³⁹ АО, 217–225.

⁴⁰ Имеется в виду имя Герцена.

⁴¹ Название парохода. Его капитан (имя его не установлено), вероятно, входил во флорентийский кружок А.А. Герцена.

⁴² Вероятно, ехидный намек на многолетнюю дружбу Таты с князем А.А. Мещерским, секретарем Российского Географического общества. Заметим, что Тата старалась уберечь Лизу от опасного влияния Летурно, последний исподволь настраивал девочку-подростка против старшей сестры и брата Александра.

⁴³ Речь идет об А.А. Герцене.

⁴⁴ Кто имеется в виду, неясно.

⁴⁵ ИРЛИ, поступление 1983 г., № 59.

⁴⁶ АО, 219.

⁴⁷ Письмо впервые напечатано Гершензоном в переводе с французского (АО, 214).

⁴⁸ См. прим. 52.

⁴⁹ См. АО, 214–215; ср. прим. 52.

⁵⁰ Там же, 216.

⁵¹ Некоторые документальные материалы, связанные с личной трагедией Лизы, остались у А.А. Герцена; от него они перешли к Тате, а затем к ее любимому племяннику Л. Ристу, подарившему их впоследствии своей двоюродной сестре – Наталье Петровне Герцен. В настоящее время письмо Лизы к Летурно, копия ее предсмертного письма и записка Н.А. Тучковой-Огаревой к А.А. Герцену хранятся в ИРЛИ (поступление 1983 г., № 59).